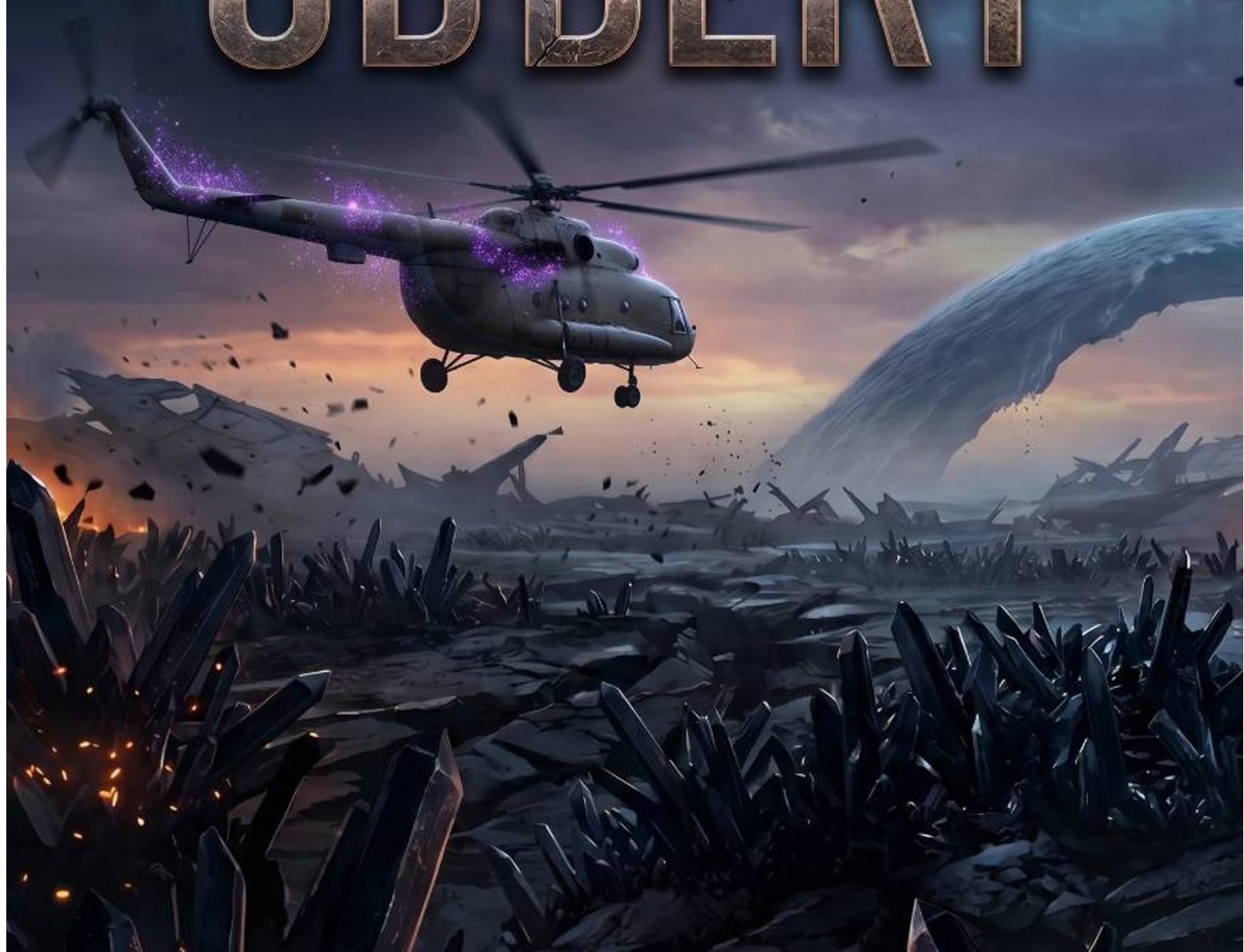

НАТАЛЬЯ ВЕСНАЕВА

У НУЛЕВОЙ ОБЪЕКТ

Наталья Веснаева
Нулевой объект

«Автор»

2026

Веснаева Н.

Нулевой объект / Н. Веснаева — «Автор», 2026

2035 год. Бывший военный Вадим Белов искренне надеялся, что его худшие кошмары навсегда остались в прошлом. Но однажды он оказывается в абсолютно пустой реальности, где все люди бесследно исчезли, базовые физические законы дают сбой, а само пространство неумолимо разрушается. Все ответы скрываются в подземном бункере, где создатели уникальной экспериментальной установки отчаянно пытаются взять ситуацию под контроль. Но в их распоряжении очень мало времени, и без Вадима предотвратить катастрофу не удастся. Роман «Нулевой объект» — это напряженный научно-фантастический триллер о выживании на изнанке мироздания, где цена малейшей ошибки измеряется жизнями двух вселенных.

© Веснаева Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Нулевой объект	6
Пролог	6
Часть первая. На краю	8
Глава 1. Звонок	8
Глава 2. Друзья	13
Глава 3. Событие	17
Глава 4. Дорога домой	22
Глава 5. Последний рейс	25
Глава 6. Гости	28
Глава 7. Первое утро	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Наталья Веснаева

Нулевой объект

Наталья Веснаева

Нулевой объект

Пролог

Вадим проснулся от тишины. Настоящей тишины – без монотонного шума сосен, без криков чаек, без гула моторов. Тишины противоестественной. Даже море не шумело, хотя оно было в пятидесяти метрах внизу от раскрытого окна его спальни.

Проекционные часы показывали 10 утра. Вадим вышел на балкон и увидел набережную. Она оказалась абсолютно пуста, хотя всегда в это время года здесь было шумно илюдно. В прибрежном кафе застыли столики с полузادвинутыми стульями вокруг и недопитым кофе на них, на дорожках, окруженных цветущими клумбами, валялись разные вещи – сумки, шляпы, зонтики. Медленно крутилось небольшое колесо обозрения без единого пассажира, на мелкой прибрежной гальке валялись кривыми рядками брошенные полотенца, шезлонги, пляжные сумки, надувные круги и матрасы. Как будто все люди в один миг просто исчезли, оставив после себя лишь брошенные вещи. Но даже не само это заставило его желудок ухнуть куда-то вниз: набережной не должно было быть под его окнами, она в километре по береговой линии справа, и ее не видно за холмом с балкона...

Вадим тряхнул головой и осмотрелся: утро было каким-то странным. Солнце светило привычно ярко, на небе, как и несколько последних дней, не было ни единого облачка, но свет... Свет был каким-то слегка... фиолетовым? От этого становилось холодно и жутко, несмотря на жару.

А потом он заметил кошку. Рыжую, с белой лапкой. Она сидела на странном бетонном парапете напротив балкона и смотрела на него так, словно ждала этого момента тысячу лет.

– Ты... жива? – прошептал Вадим, сам не зная, почему.

Кошка прыгнула вниз и побежала к воде. Туда, где на горизонте мерцал фиолетовый свет. Он хотел крикнуть ей вслед, позвать, но в этот момент за спиной пронзительно завывла сирена.

Вадим резко обернулся и бросился в комнату. Но комнаты уже не было. Он оказался в просторном компьютерном зале с большими окнами во всю стену, наподобие башни авиадиспетчеров. Зал был освещен фиолетовым светом, который разрывали бешено вращающиеся оранжевые лучи сигнала тревоги, но за окнами было темно.

Вадиму просто необходимо было избавиться от оглушающего рева и отключить этот безумный стробоскоп. Но как только он оказался внутри фиолетовой комнаты, то понял, что за ее окнами не так уж и темно. Там было мрачное помещение с какими-то небольшими клетками, а внутри них что-то отчаянно металось. Спустя пару мгновений он смог рассмотреть, что это были собаки. Они в ужасе бросались на железные прутья, лаяли и выли, но их совсем не было слышно, то ли от того, что сирена заглушала все звуки, то ли из-за звуконепроницаемого стекла.

И вдруг пронзительный вой сирены сорвался, растянувшись в низкий, бесконечно долгий гул, от которого тошнота подкатила к горлу. Оранжевый луч больше не метался по залу, он словно увяз в воздушном болоте, едва заметно ползя по потолку и высвечивая пылинки, дрейфующие в воздухе с противоестественной медлительностью. Собаки не замерли полностью, но их отчаянные прыжки превратились в тягучее плавание в застывающей смоле.

И тут, на грани видимости, в самой глубине темной комнаты пространство начало расплзаться. Огромная, абсолютно черная дыра неумолимо расширялась, пожирая свет. А затем с оглушающим, раскатистым треском, который казался бесконечным в этом вязком времени, она схлопнулась, выбросив слепящую вспышку сверхновой.

Свет больно ударил по глазам, и в ту же секунду мир резко дернулся, возвращая себе привычную скорость и звуки. Вадим моргнул и с ужасом осознал: клетки опустели. Черная дыра поглотила собак.

На экранах компьютеров тут же замелькали сообщения об ошибке: «Нулевой объект не найден. Поиск... Поиск... Поиск...»

Вадим попятился назад, к спасительному балкону, но обо что-то споткнулся и упал, ударившись головой, которая тут же взорвалась нестерпимой болью.

...И проснулся по-настоящему.

Часть первая. На краю

Глава 1. Звонок

21 июня 2035 года, четверг

В спальне за шторами блэкаут было почти темно, но Вадим знал, что уже давно утро: проекционные часы на стене показывали 10:05. Он вытер пот со лба и с силой выдохнул, сбрасывая с себя остатки увиденного кошмара, но только распалая головную боль. Давненько у него так не болела голова. И давненько не мучали такие кошмары – нелогичные, но до ужаса реальные. Уже, наверное, лет десять, если не больше. А он-то, наивный, думал, что все позади, и долгая терапия полностью устранила проблему. Как теперь оказалось – нет. Весь вопрос в том, не вернуться ли с головной болью побочные эффекты, которые чуть не свели его с ума после контузии.

Вадим с иррациональным облегчением прислушался к бессменному крику чаек и едва различимому шуму волн.

– Арина, доброе утро! – скомандовал он, и система умного дома открыла шторы, перевела кондиционер на среднюю мощность, включила телевизор на стене на новостной канал, а внизу, на кухне, чайник. Надо, кстати, убрать эту опцию из сценария: он в последнее время пристрастился к кофе и уже почти не пил чай.

Он дал умному дому имя своей бывшей девушки, которая бросила его несколько лет назад, оставив наедине со своими демонами. Он и сам не мог бы объяснить, зачем. Возможно, хотел отыгаться? Или хотел обесценить собственные чувства к ней?

Он сделал над собой усилие и встал с кровати, поморщившись от очередного приступа боли, и, подходя к окну, поймал себя на мысли: а не увидит ли он сейчас там набережную, как во сне? Вдруг его дом правда перенесло каким-то чудом в самый эпицентр пляжного отдыха, в этот круглосуточно бурлящий и искрящийся праздник жизни?

Вадим с легкой опаской ступил на балкон и вздохнул с явным облегчением: его небольшой, но очень уютный двухэтажный дом по-прежнему находился на крутом скалистом берегу у самого моря, окруженный приземистыми южными соснами с кривыми стволами. А внизу темные волны неспешно накатывали на успокаивающе шуршащую гальку и большие прибрежные валуны.

Спускаясь на кухню, чтобы принять таблетку – об утренней пробежке можно было забыть из-за головной боли и позднего вставания, – он приостановился на лестнице у зеркала во всю стену и оценивающе посмотрел на себя. Слегка помятое подушкой лицо, тем не менее, уже почти не несло на себе печати сна и тени головной боли. Шрам на виске не покраснел, как это иногда случалось после сна. Серые глаза смотрели с обычной живостью, синяков на веках не наблюдалось, лишь упрямые темные волосы остро нуждались в расческе, щеки – в бритве, а вполне белые зубы со слегка неровным с детства прикусом – в пасте. А так, для своих 35 лет – просто молодчик.

Вадим подмигнул своему отражению и спустился вниз. Принял обезболивающее и снова направился наверх, в ванную. Окончательно проснувшись под контрастным душем и чувствуя отступление боли, Вадим поспешил на кухню, предвкушая, как сделает себе чашку превосходного капучино, возьмет из холодильника купленные вчера круассаны с ветчиной и сыром, подогреет их до восхитительного хруста и отправится на балкон, чтобы не спеша насладиться завтраком в окружении великолепного пейзажа, о котором мечтал всю жизнь.

Но стоило ему только присесть в плетеное кресло на балконе и поставить на столик кофе и тарелку с круассанами, как зазвонил телефон. Вадим хотел уже было не брать трубку, чтобы не

дать круассанам остыть и отсыреть из-за ветчины, но опрометчиво взглянул на экран. Звонил Антон, его друг детства, чуть ли не единственный человек, которого он действительно рад был сейчас слышать.

– Привет, Антоха! – радостно заговорил Вадим, отпивая глоток ароматного кофе и без сожаления откладывая круассаны в сторону. – Как жизнь у столпов науки?

Антон Кузнецов, подающего надежды молодого физика, после физмата заманили в Академгородок в Новосибирске, на что он, недолго думая, согласился. Вадим в шутку называл Антона безумным профессором, намекая на его приверженность науке и какую-то детскую безбашенность, всегда присущую другу. На его взгляд, именно эта безбашенность помогла ему быстро сделать там карьеру, и теперь, к своим 36 годам, он был кандидатом наук, заведующим лабораторией и возглавлял какое-то жутко заумное и ужасно секретное направление, связанное с квантовой физикой.

Правда на профессора он был не слишком похож: высокий брюнет с голубыми глазами, по-детски горящими, когда он был чем-то увлечен. Со своими всегда чуть взъерошенными темными волосами с первой проседью он походил, скорее на подростка-переростка, чем на серьезного ученого. Из-за открытого взгляда и заразительной улыбки он был даже симпатичным, хотя его нельзя было назвать красавцем с такими острыми чертами лица, вечными синяками под глазами и довольно большим ртом. Но сам Антон совсем от этого не страдал. Страдала, разве что, его мама, уже почти отчаявшаяся понянчить внуков. На что Антон всегда ей говорил, что сначала должен разобраться, как устроена сама ткань реальности, а потом уже можно разбираться, как устроены дети.

На самом же деле Антон боялся и хотел детей, но не имел никакой возможности сейчас ими обзавестись. Хотя бы потому, что по его немного консервативным понятиям для этого нужна была вторая половинка, а женщины и научная работа были абсолютно несовместимы. Но однажды ночью, когда они заболтались по видеосвязи о личной жизни, Антон признался Вадиму, что на самом деле только прикрывается этим предлогом, потому что, пожалуй, больше всего на свете не хочет повторить судьбу своего отца, бросившего их с матерью из-за своей работы – он был археологом и по несколько месяцев пропадал на раскопках.

– Да какие там столпы! Привет, Вадик. Все никак не мог тебе нормально позвонить, поболтать. Работа каторжная, особенно сейчас. Как у тебя настроение, как дела?

– Да вот, в отпуске на море! Решил отдохнуть от городской суеты и поправить моральное здоровье. Что и тебе крайне рекомендую. Погода прекрасная, еще не слишком жарко, море теплое. Что еще нужно для счастья?

– Ох, и завидую же я тебе! Вот захотел дом на море, не моргнув глазом, продал квартиру в центре Москвы, и – вуаля! – шикарная вилла на море, да еще и с камином!

– Ну, во-первых, не вилла, а просто домик у моря. Во-вторых, я успел моргнуть глазами что-то около миллиона раз, потому что носился с этой идеей без малого десять лет. И если бы не бабушка, которой за заслуги перед советским кинематографом дали в свое время эту квартиру, то не видать бы мне даже конуры в радиусе километра от моря. В-третьих, когда я просил строителей сделать мне камин в доме, они откровенно крутили у виска: кто ж делает камин на юге! Так что вряд ли это можно считать заслугой, скорее чудачеством. А в-четвертых, не тебе мне завидовать! Сам вон скоро настоящим профессором небось станешь. Правда, безумным вряд ли перестанешь быть.

– Да не буду я никаким профессором, в лучшем случае доктором. Для этого преподавать надо. А я чистый практик. Вот и нынешний наш проект – просто колоссальный по масштабам эксперимент! Замотался с ним совсем, но зато – какие невероятные перспективы!

В голосе друга Вадим слышал такой знакомый энтузиазм, граничащий с одержимостью.

– Что за проект?

– Помнишь мы после школы с теорией струн пытались разобраться? Я еще тебе показывал модель пространства Калаби-Яу, чтобы объяснить, как переплетены другие измерения?

Вадим тихо усмехнулся: он хорошо помнил этот эпизод и особенно эту красочную картинку с моделью. Антон с жаром битых полчаса пытался ему объяснить сложные физические явления, но единственное, что Вадим тогда понял, это то что квантовая механика недоступна простым смертным, коим он являлся.

– Ну да, ты пытался мне что-то вдолбить, а я тупо кивал, делая вид, что понимаю.

– Так вот! – Антон словно не услышал сарказма. – Мы на пороге грандиозного, не побоюсь этого слова – эпохального открытия в области квантовой физики! Осталась только практическая часть – пара важных экспериментов, подтверждающих наше открытие. Нобелевская премия почти у нас в кармане!

– Ого! – присвистнул Вадим. – Круто. купишь дом рядом со мной, будем коротать на море холостяцкие вечера. А что за открытие?

– Ну, если коротко, мы почти доказали существование параллельных миров! Их бесчисленное множество! Только ты же понимаешь, что я не могу тебе сказать больше? Особенно по телефону. Секретная разработка.

– Военная? – Вадим вспомнил, что их Институт ядерной физики одно время работал на оборонку во время и после СВО, и потому Антон был невыездной.

– Нет, что ты. На этот раз чисто научная, очень перспективная с прикладной точки зрения. Правда один деятель у нас все пытается перевести ее под оборонку.

– Ладно, я в этом все равно ничего не понимаю, но ужасно рад за тебя. А что же ты прохлаждаешься, когда у вас должна работа во всю кипеть? У тебя же разгар рабочего дня.

– Да тут у нас одна накладка произошла... Но она только подтверждает нашу теорию! Наверное... То есть если собачки живы, конечно...

– Собачки? – поразился Вадим. – Где ты, и где собаки?

Антон всегда был ярым кошатником. Он даже в детстве мечтал работать в цирке Куклачева.

– Понимаешь, собаки у нас – главный объект эксперимента. Нужно было некрупное млекопитающее... Ну, как Белка и Стрелка. Сперва мы по глупости взяли за кошек, у нас живет в институте как раз одна, ее все прикармливают. Но когда с ней провели первую калибровку, произошел сбой. Пришлось переходить на джек-расселов...

– На кого? – не понял Вадим.

– Порода такая. Некрупная собака, почти как кошка. Очень выносливая, сообразительная и с устойчивой психикой. Наши эту породу отобрали по очень строгим критериям, и она отлично подходит... Но, елки, она дорогая и довольно редкая!

– И что? У вас разве с бюджетом проблемы?

– Ну ты как с Луны свалился! С бюджетом всегда проблемы. У нас тут как раз куратор спецпроектов, как я говорил, копытом бьет, все оборонку подключить пытается для увеличения бюджета. Да дело даже не в этом... Сегодня в ходе первой фазы эксперимента собачки... э-э-э-э... пропали. Ну, то есть, были утрачены. И теперь нужно время, чтобы где-то набрать их снова. Ну и поскольку ко второй фазе приступить нельзя, придется ждать, пока найдут еще пять джек-рассел терьеров. Но, я уверен, с ними все в порядке, и мы вернем их во второй фазе! Просто первую закончить надо...

Вадим молчал. Пропали собаки? В ходе эксперимента? Сегодня? Что-то это очень сильно напоминало ему недавний кошмар. Даже волосы на руках зашевелились, когда он вспомнил то вязкое мгновение, после которого исчезли все животные. Оно слишком напоминало ему состояние, в котором он оказался сам во время и после контузии двенадцать лет назад. Ничего более жуткого, высасывающего все силы и безнадёжного в его жизни не случилось и вряд ли могло случиться...

17 января 2024 года

Вадим ехал на очередной прием в госпиталь к доктору Липатову. Привычный путь, который он преодолевал уже не раз, сегодня показался особенно тягостным: за окном была такая же мрачная хмарь, как и ровно год назад, цифра на календаре давила на подсознание, а в голове нарастало противное гудение, отдаваясь в виски пульсацией вен. Этот гул он старался не замечать, сидя в автобусе у окна и прислонившись к замерзшему стеклу, но даже обжигающее касание холода не помогало зацепиться за реальность. Паника вместе с гулом катастрофически нарастала. Оставалось проехать еще три остановки и пройти около двухсот метров, но он уже не был уверен, что сумеет их преодолеть.

Чтобы хоть как-то удержаться себя от панической атаки, он сосредоточился на подсчете столбов освещения за окном и впился ногтями в ладони сжатых кулаков. Но не доходя и до двух десятков, он все время сбивался.

Боль особенно сильным ударом ухнула у него в голове, и он зажмурился, чтобы не застонать.

– Гляди-ка, делает вид, что спит! Что за молодежь пошла! – раздался прямо над ухом скрипучий женский голос.

Вадим распахнул глаза, и первое, что увидел, повернув голову, это большую выступающую родинку на правой щеке уже немолодой грузной женщины, смотревшей на него с нескрываемым презрением и собиравшейся сказать что-то еще.

Родинка на правой щеке... Подполковник Крутов, Танк...

И тут мир остановился.

Вадим с ужасом глядел снизу вверх в раскрытый рот женщины и видел несколько почерневших пломб на зубах. Ее язык не замер полностью, но отрывался от неба с такой медлительностью, словно пытался отлипнуть от железной трубы на морозе.

Вадим обернулся и оглядел заполненный автобус в тщетной надежде уловить нормальное, живое движение. Но вместо этого увидел, как серая хмарь за окном тяжело, словно оползень из густой грязи, вползает внутрь, поглощая все вокруг: автобус, сиденья, женщину, других людей, его самого... Еще секунда, и мир стерся. Остался только клубящийся туман, такой плотный, что становилось трудно, почти невозможно дышать.

Вадим в панике хватал ртом воздух, не понимая, где верх, где низ, где его руки и ноги, где он сам. Он словно надел шлем виртуальной реальности, в которой игра не прогрузилась до конца, окунув его в этот туманный бэкграунд без кнопки выхода. Легкие начинали гореть от недостатка кислорода, в раскальвающейся голове нарастал низкочастотный, вибрирующий гул, пока он не понял, что знает этот звук слишком хорошо.

Нет!

Превозмогая чудовищное сопротивление этого вязкого ничто, ему удалось сделать движение. И он тут же краем глаза увидел слева и справа тени. Те самые тени! Они плавно и неумолимо двигались на него, сквозь него.

Нет-нет-нет!!

Гул уже рвал барабанные перепонки, но Вадим не мог заткнуть уши: он чувствовал свои руки, но не видел их в этом тумане. Он успел в животном ужасе подумать, что может застрять в этом бесконечно растянутом мгновении навсегда, и у него не будет даже физической возможности убить себя, как вдруг гул сорвался на оглушительную ноту, и туман разлетелся миллионом ошметков.

Невидимая плотина рухнула, время ударило наотмашь.

Он снова увидел вокруг себя людей, автобус, женщину. Ее язык наконец оторвался от неба, и она с нормальной скоростью выплюнула незаконченное слово.

Но Вадим не слушал. Он сорвался с места и бросился к двери. Застучал изо всех сил по холодному металлу, и вывалился из автобуса, как только тот остановился и открыл двери.

Пассажиры с изумлением и любопытством смотрели ему вслед. Женщина победно заняла его место.

– Вадим? – Антон, не услышав реакции, засомневался, что друг его слышит. – Ты тут?

– Да-да! – Вадим очнулся от короткого воспоминания и вдруг с непоколебимой уверенностью осознал, что сон его как-то связан с другом. – А собаки у вас пропали из клеток?

– Из клеток? Почему из клеток? Да нет, они в специальных боксах были. А что?

Вадим чуть выдохнул. Да ну, ерунда какая-то. Как его сон может быть связан с экспериментом Антона? И все же...

– Да так... Слушай, а сколько вам придется ждать собак?

– Говорят, минимум пару дней. Плюс еще нужно просканировать квантовые слоты, они должны быть пусты для этих собак.

– Какие такие слоты?

– Ну если в двух словах, то в параллельном мире эти конкретные собаки не должны существовать или гарантированно быть за сотни километров от точки перехода, иначе при переходе они аннигилируют. Причем, с обеих сторон. Ну и мы сканируем для каждой из собак ее квантовый слот в параллельном мире.

– Ах, да! Парадокс дедушки. Я что-то такое слышал.

– Ну, вообще-то, парадокс убитого дедушки относится к путешествию во времени, а не пространстве. Но с натяжкой, можно сказать и так. По законам квантовой физики, когда два идентичных объекта из разных вселенных соприкасаются, они аннигилируют: вспыхивают и растворяются в чистой энергии.

– Антоха, не начинай! – рассмеялся Вадим. Он знал, что если друга не остановить, он дальше залезет в такие дебри объяснений, что мозги закипят даже у этих бедных джек-расселов, причем сразу в обеих вселенных. – Так что, получается, что минимум два дня вам на работе нечего делать?

– Ну, делать там всегда есть что. Но вообще-то мы приняли решение пока дать людям отдохнуть выходные, а то мы уже несколько месяцев 24 на 7 почти работаем. Устали все.

– И ты будешь отдыхать?

– Ну да. Ну, то есть, я хотел сесть за отчет...

Вадим знал, что ему не случайно приснился этот кошмар. Он был очень похож на сны, которые одолевали его когда-то и наяву тоже, а если повторится то, что было сразу после ранения, он уже может не восстановиться. А потому решительным тоном заявил:

– Нафиг твой отчет, подождет. Ты сейчас же купишь билет на ближайший рейс, я тебя встречу, и ты проведешь эти несколько дней в нормальной расслабленной обстановке, подышишь свежим морским воздухом, подкопишь витамина Д и все дела. А то мы с тобой не виделись уже целую вечность, наверное! Шашлыки, французский коньяк и пятизвездочный сервис гарантирован! Отказы не принимаются!

Но отказов и не последовало. Антон искренне обрадовался такой возможности, и взял тайм-аут до вечера (их вечера), чтобы утрясти формальности. И уже через три часа перезвонил, сообщив, что купил билет на завтра, и что у него будет целых два с половиной дня до понедельника.

Вадим хотел его поправить «всего два с половиной дня», но не стал: Антон жил в совершенно другом ритме. А ему хоть и хорошо было здесь одному, но с другом будет сто крат

лучше. И он попробует разобраться со своим сном, лишь бы тот не стал причиной нового кризиса. Доктор Липатов, конечно, хороший мужик, но Вадим обещал больше к нему не попадать.

Глава 2. Друзья

22 июня 2035 года, пятница

В эту ночь Вадим спал крепко и спокойно. Ему снилась обычная ерунда, которую и не вспомнишь, как проснешься, чему он был искренне рад. Он встал, как привык за долгие годы после комиссования, в восемь утра, совершил обычную пятикилометровую пробежку и испулся перед завтраком в море. А потом засобирался в аэропорт, встречать друга. Вадим выехал с запасом на случай пробок, так как Антону пришлось взять билет до Краснодара – ни до Геленджика, ни до Анапы на пятницу билетов уже не было.

Но Вадим доехал до аэропорта быстро. Основная пробка была в обратном направлении и неудивительно: в пятницу многие местные ехали на море, как в Москве принято ездить по выходным на дачу. Вадим с сожалением подумал, что им придется с Антоном провести на обратном пути несколько часов в пробках. Но, с другой стороны, это было даже лучше: они успеют вдоволь наговориться.

Вадим поставил свой старый верный Ленд Крузер Прадо на платную парковку у аэропорта и пошел посмотреть табло прилета: рейс из Новосибирска ожидался у нового терминала, построенного в Краснодаре лет пять назад. До прилета оставалось еще пятнадцать минут, и, чтобы не скучать, он уткнулся в чтение новостей на своем смартфоне. Он остановился на новости о том, что ученые зафиксировали аномальные всплески гравитационных волн, никак не связанные с активностью солнца, и тихонько сглотнул.

17 января 2023 года

Вадим проверил бортовые системы в своем уголке перед вылетом. Все переключатели были в нужном положении, он ничего не упустил. Майор Сорокин обернулся к нему со своего командирского кресла, и мимолетный вопросительный взгляд был предельно ясен молодому старшему сержанту, тем более что винт уже грохотал над головой, и пришлось бы кричать, так как он еще не надел шлем. Вадим только показал большой палец и потянулся, наконец, к наушникам.

– Доложи обстановку, – тут же попросил майор. Его голос звучал уверенно и бодро. Как будто им не предстояло лететь в снежный буран к самой линии соприкосновения, выполняя особый приказ из штаба.

Вадим посмотрел на свой экран и четко доложил:

– Видимость упала до ста метров, в снежных зарядах до пятидесяти. Температура минус двенадцать, но на высоте резко падает до минус восемнадцати. Облачность сплошная, нижняя граница на пятидесяти метрах. Идем прямо в зону возможного обледенения, влажность 100%. Ветер сейчас десять метров в секунду с порывами до пятнадцати. Направление – северо-запад, встречно-боковой при заходе на точку «Ромашка».

– Что по «окну»?

– Двадцать пять минут до нового циклона. – Вадим сверился с другими данными: – По данным радиоразведки, в квадрате 48–72 работают FPV-дроны. Ждем удара через пятнадцать-двадцать минут.

Сорокин сделал паузу и спросил:

– Твои выводы, механик?

– Если ждать – станет только хуже. Но идти сейчас – будем как слепые котята в мясорубке. Зато противник вряд ли ожидает рейд с воздуха, да и засечь нас будет можно только с тепловизоров. Ваше решение, командир.

Еще пауза, но едва ли большие предыдущей. Непростое решение. Но это была особая миссия – прямой приказ из штаба, «Волки» ждали, их нужно было оттуда вытащить. А потому...

– Экипаж, слушаем команды. Взлет по приборам, курс 245. Второй пилот Гуров, следишь за показаниями и помогаешь. Бортмеханик Белов, контролируй параметры двигателей. Стрелок Колесников, к пулемету, мониторь сектора. Взлетаем.

Самолет из Новосибирска приземлился вовремя. Вот за что любил Вадим краснодарский аэропорт, так это за то, что даже после постройки нового терминала он оставался довольно маленьким, во всяком случае по меркам Москвы. И после приземления самолета пассажирам удавалось довольно быстро покинуть территорию аэропорта, даже с учетом получения багажа. Антон же прилетел только с ручной кладью, и прошло не более десяти минут с момента посадки, как он уже оказался в зале прибытия.

Антон был все таким же: взъерошенным, улыбчивым и порывистым, и Вадиму даже показалось, что тот помолодел лет на пять. А, может, это просто он постриг волосы?

Одет он был как всегда весьма экстравагантно. Из обычного на нем были только джинсы, а вот все остальное... Белая футболка, на которой значилось тематическое «Error 404. Reality Not Found», на запястье над умными часами – ряды разноцветных кожаных ремешков, на ногах – трендовые кроссовки с реактивной подсветкой, менявшей цвет при каждом шаге, и ярко-красные носки с каким-то мультяшным рисунком.

Они тепло поздоровались и крепко обнялись, похлопав друг друга по плечам и пожав руки, как в армрестлинге. Они виделись всего полгода назад, но это снова была мимолетная встреча: пара часов в кафе и совместная поездка до аэропорта перед самым вылетом. А уж чтобы провести вместе выходные – такого не случалось, пожалуй, с беззаботного студенческого времени.

– Ты все еще ездешь на этом мастодонте? – усмехнулся Антон, когда они садились в машину.

– Это не мастодонт, а верный конь. Ну и что что ему уже пятнадцать лет? Он даст фору всем этим вашим новомодным «электричкам». Тем более здесь не так много зарядок, как в Москве.

– Ладно, ладно, не кипятись. Мне лично все равно, сколько ты платишь «зеленого» налога на него. Я ничего не имею против. Ностальгия просто. Кстати, о зарядке! Забыл подзарядить телефон в самолете, у тебя в твоём «верном коне» есть индукционка?

– Чего? Опять ты умничаешь?

– Ой, прости, забыл. Я ее всегда так называю. Индукционная, то есть беспроводная зарядка. Еще скажи, что ты этого не знал.

– Представь себе, не все разбираются в физике на уровне доктора наук.

– Я кандидат наук. И это уровень средней школы.

– Не важно. На вот тебе простой, как три рубля, провод, и заряжайся, сколько влезет... – Вадим всмотрелся в кислое лицо Антона и понял, что тут что-то не так. – Только не говори, что у тебя только беспроводная зарядка в телефоне!

– Ну да, а что тут такого? – смущенно пожал плечами Антон. – Последняя модель... Зато полностью водонепроницаемая, с ней на дно Марианской впадины можно!

– Вот же, блин, ученые... Часто ты на дно Марианской впадины спускаешься что ли? Случись чего, вы же первые вымрете! Хотя и жутко умные, зато беспомощные, как дети!

Антон вздохнул и разблокировал телефон.

- Пятнадцать процентов осталось... Давай заедем куда-нибудь поесть, там и подзаряджусь.
- Я и так собирался тебе предложить. А то нам путь долгий предстоит. Пробки.

Антон что-то пробормотал себе под нос, как будто уже не слыша Вадима. Он загружал в телефоне какое-то приложение.

- Черт! Забыл отключить режим “в самолете”!
- Ты еще его включаешь? Лет двадцать как уже не нужно.

– На всякий случай, – пожал плечами Антон. – А вообще, не люблю, когда меня в полете беспокоят...

Он хотел сказать что-то еще, но тут салон машины наполнился сыплющимися друг за другом уведомлениями о звонках и сообщениях.

– Твоя девушка тебя потеряла? – усмехнулся Вадим. Но улыбка тут же сошла с его лица, поскольку Антон как-то резко побледнел и нахмурился. – Что случилось?

Антон выразительно посмотрел на Вадима. В глазах его читалась нецензурная вариация названия милого пушного зверька. Это мало что проясняло, но красноречиво говорило, что друга сейчас лучше не трогать.

В ближайшие двадцать минут, пока Вадим ехал по улицам Краснодара к выбранному кафе, Антон выяснял по телефону, что произошло. Ну, как выяснял? В основном, ругался и в паузах слушал, что ему говорил коллега.

Потом еще в кафе он добрые десять минут сидел молча, переваривая информацию, хватаясь за голову и иногда строча какие-то сообщения в телефоне. Вадим пил кофе и терпеливо ждал, когда официант принесет основной заказ и когда друг соберется с мыслями. Он знал, что Антон все расскажет сам. Тем более что в общих чертах он уже понял, что произошло: кто-то без него дал приказ возобновить первую фазу эксперимента.

Антон залпом, как водку, выпил свой уже почти остывший кофе, и сказал:

– Прости, друг, но мне придется вернуться. Только что коллега выяснил, что обратный рейс через два с половиной часа. Он забронировал мне билет.

– Почему я не удивлен? – невесело усмехнулся Вадим. – Мы с тобой уже лет десять так и встречаемся: аэропорт-кафе-аэропорт.

Антон выразительно вздохнул. Было видно, что он немного успокоился, и теперь по-настоящему осознал, что выходные и правда закончились, не начавшись. Официант как раз принес основной заказ, и Антон, задумчиво отрезав приличный кусок от своего стейка, машинально положил его в рот.

– Обещаю, нобелевку будем отмечать где-нибудь на острове... А если серьезно, то все плохо. И нобелевка может накрыться. Этот придурок Коган совсем съехал с катушек. Он уже давно меня подгоняет с результатами, а тут, видимо, решил воспользоваться моим отсутствием. То-то он так охотно отпустил меня на выходные...

– А кто такой этот Коган?

– Куратор спецпроектов, администратор, по сути, но руководит формально он. Я лишь руководитель по научной части. Он же связующее звено между нами и руководством института. Полковник в отставке. Простой мужик, прямой, как стрела, и тупоголовый, как валенок... Не тупой, а именно тупоголовый. Он все носится с идеей военного применения нашего открытия и полной секретностью. Уже и в Москву доложил через голову нашего начальства, по своим каналам, представляешь?

– Еще как представляю! – усмехнулся Вадим. – Помнишь, я рассказывал про Крутова?

– Вот-вот! В точности!

– И что он натворил?

– Он запустил первую фазу эксперимента, чтобы провести ее с крысами... Представляешь, с крысами! – Антон снова стал распяляться. – Коган включил генератор, послал кого-то в виварий за крысами, и готов нажать на кнопку запуска, когда все будет готово... Если что-то

пойдет не так, а скорее всего все пойдет не так, то самое безобидное, что может случиться, это поломка оборудования стоимостью миллионы рублей!

– А самое худшее? – не мог не поинтересоваться Вадим.

– Точно невозможно сказать. Ну, к примеру, маленькая черная дыра поглотит всю лабораторию. Ну или большая – всю планету. Как-то так.

– Неслабо. А как администратор смог запустить эксперимент?

– Не он лично, само собой. Заставил Илью – моего коллегу, помнишь, я тебе о нем рассказывал? Пригрозил увольнением, наорал и чуть ли не силой забрал у него ключ запуска. А без ключа не запустить и не остановить эксперимент...

– Ээээ... – Вадим почесал подбородок. – Может я что-то не понимаю, но Илья вроде физик, нет? Он разве не осознает последствий?

– Конечно, осознает. Но видел бы ты Когана и Илью. Слон и Моська, честное слово. Когана все побаиваются, если он прикрикнет, аж стены трясутся. Да и формально Илья должен ему подчиняться.

– И что теперь делать?

– Нужно успеть остановить эксперимент и убедить Когана еще подождать. Поэтому я возвращаюсь. У меня с собой второй ключ запуска.

– А ты успеваешь?

– Ну если не произойдет форс-мажора, то вполне. Генератор выходит на проектную мощность только через восемь часов. Да и Илья прикроет, если что.

– А не проще ли надавить на самого Когана? – резонно заметил Вадим. – Позвони кому-нибудь из института, там же должны понимать всю серьезность!

– В том-то и проблема, что Илье позвонил лично профессор Шихов и просил содействовать. На него надавил кто-то из Москвы!

– Н-да... Вояки – они такие...

17 января 2023 года

Метель в ложбине, выбранной для эвакуации, утихла, стоило им только совершить чрезвычайно сложную посадку. Ветер ослаб, но видимость почти не улучшилась: по-прежнему стоял какой-то противоестественный для зимы туман, словно они сели не на промерзшую луганскую землю, а в облако в километре над поверхностью. Да и двигатели они не глушили, а потому вокруг их Ми-8МТВ-5 носились снежные вихри, создавая тем не менее дополнительный заслон.

Сержант Колесников остался у пулемета на прикрытии, а Вадим и второй пилот Алексей Гуров успели прыгнуть на землю до майора Сорокина, чтобы организовать боевое построение. Группа «Волков», за которой они прилетели, подала сигнал, а значит, скоро будет у вертолета.

В эфире они вынуждены были соблюдать молчание, поэтому точно не знали, где затаились разведчики в ожидании эвакуации. Это была слаженная, опытная команда из пяти человек, но у них были трое раненых, один из них тяжело.

Прошло не более двух минут, когда условный свист, прорвавшийся сквозь рокот лопастей, сообщил о подходе своих, и тут же из белой мглы показались «волки». Вначале шла группа из двух бойцов, один из которых был ранен в голову, так как на лбу его красовалась пропитанная кровью повязка. Он поддерживал под плечи второго, раненого в ногу, и тот скакал на одной ноге по глубокому снегу, уже выбиваясь из сил.

Но Вадима поразила вторая группа, состоявшая из двух здоровых разведчиков, тащивших на брезенте за собой тяжело раненого. Один был высокий и довольно худой, и склады-

валось полное впечатление, что его участие в транспортировке раненого было почти формальным. Потому что второй был... могуч. Он тащил на спине связку оружия и каких-то трофеев, взятых, очевидно, у других членов группы, в левой руке его был большой армейский рюкза́к с чем-то угловатым внутри, а правой он тянул брезент.

Вся группа была в белых маскхалатах, но даже под этой бесформенной одеждой угадывались широченные плечи и могучая шея этого бойца, особенно на фоне среднего роста. Несмотря на мороз и метель, его неопределенного цвета шевелюра не была защищена головным убором, а потому на нее налипли целые комья снега. Окладистая борода также была почти белой, впрочем, как брови и ресницы, а потому большая, с рублевою монету, родинка насыщенного бордового цвета на правой щеке выделялась на всем этом белом фоне, как открытая рана.

Это зрелище так потрясло Вадима, что он не сразу понял, кто перед ним. Об этом человеке ходили легенды – подполковник Крутов, зам начальника разведки, бывший командир спецназа ГРУ, позывной «Танк». Причем это был позывной, выданный ему штабом, очевидно из-за прозвища его знаменитого однофамильца – выдающегося хоккейного нападающего из «великолепной пятерки» времен СССР. Прошел Чечню и Сирию, в СВО с самого первого дня, фанатично преданный военной службе. Он и сейчас оправдывал свое прозвище – большой, чудовищно сильный, суровый, пер как танк по снежному бездорожью, надрывая жилы и глотая снег.

Глава 3. Событие

22 июня 2035 года, пятница

Вадим ехал домой по пятничной пробке, будучи не в самом радужном расположении духа. Антон улетел, приятные выходные сорвались, а тут еще приходилось толкаться среди желающих поплескаться в море.

Но вместе с тем ему было о чем подумать: происшествие с Антоном заставило его снова вспомнить свой сон. Антон рассказал, как у них пропали собаки. Нет, они не были в клетках, стоящих за стеклом. Во время первой фазы эксперимента животные находились в закрытых изолированных боксах, а к их головам были подключены считывающие датчики. Причем испытание в тот день проводили только на одной собаке, но после запуска установки внезапно исчезли все.

Антон планировал обязательно разобраться в причинах этого сбоя, хотя был почти уверен, что дело в перегрузке общей сети, объединявшей все капсулы в единую цепь. Он надеялся, что во время второй фазы пропавших терьеров удастся вернуть, поскольку они просто обязаны были оказаться в той самой параллельной реальности или застрять в буферном пространстве между мирами.

Было ли это похоже на его сон? И да, и нет. Но в любом случае вызывало легкую тревогу от какого-то мистического чувства уверенности, что все это неспроста.

В пробке Вадим провел без малого пять часов, включая заправку. Но когда выбрался на часть трассы, которая проходила вдоль побережья, машин стало значительно меньше, и он ехал неспеша, в свое удовольствие. Вадим был километрах в двадцати от своего дома, когда вдруг позвонил Антон. Странно, он уже должен был подъезжать к лаборатории, и ему должно быть совсем не до болтовни по телефону, нужно с Коганом разбираться. Или опять что-то случилось?

– Слушай, Вадик, у меня тут из головы не выходит твой сон – сходу заявил Антон, когда Вадим взял трубку. – Я тогда слушал краем уха из-за всех этих проблем, но сейчас понимаю, что это очень интересно! Можешь пересказать более подробно, описать все в деталях? Пока я еще еду в такси и у меня есть время.

Действительно, Вадим рассказал Антону про свой сон за неспешным разговором в кафе, когда они уже поняли, что Антону придется вернуться и у них есть еще время спокойно поболтать до отлета. Но Антон все равно был слишком глубоко погружен в свои проблемы, потому что тут же перевел разговор на другую тему, и Вадим решил, что друг даже толком не слушал, о чем он рассказывал. Но, оказывается, слушал.

– Хочешь упечь меня в психушку и собираешь материал? – невесело пошутил Вадим.

– Да это меня, похоже, в психушку нужно будет скоро отправлять. Весь полет не выходило из головы твоё упоминание про черную дыру и фиолетовое свечение. Ты же ничего не знаешь про ультрафиолетовый край спектра высоких энергий?

– Ну, скажем так: каждое слово по отдельности мне прекрасно знакомо, но все вместе они для меня звучат полной абракадаброй.

– Я так и думал! – в голосе Антона прозвучал детский восторг. – Почему вдруг в твоём сне появилось фиолетовое свечение, связанное с собаками, хотя ты ничего не знал про подробности наших экспериментов? Да ты вообще не знал, что мы проводим какие-то там эксперименты!

– Это ты мне скажи.

– Это-то как раз самое интересное! У меня нет другого объяснения, кроме того, что ты как-то связан с этим экспериментом ментально. Или через меня, хотя это маловероятно, ведь мы с тобой давно не виделись и вряд ли образовалась квантовая связь... Но в любом случае, это просто фантастика! Нужно потом обязательно изучить этот феномен! Расскажи мне еще раз свой сон во всех подробностях, которые вспомнишь.

Удивленный Вадим пересказал свой сон, отчасти заново переживая весь тот мистический ужас, который охватил его при остановке времени.

– Да уж! – воскликнул Антон, когда Вадим замолчал. – Невероятно! Тут столько деталей, которые ты просто не мог знать! Они удивительным образом совпадают с тем, что мы наблюдаем или делаем во время эксперимента... Это просто потрясающе!

– Например?

– Прежде всего – это фиолетовое свечение. Мы используем высокие энергии и постоянно наблюдаем фиолетовые вспышки вокруг нашего генератора квантовой когерентности. Вот, кстати, генератор – второй пример! Он хоть и представляет собой двухметровую сферу, но состоит из бериллиевой бронзы с внутренним зеркальным покрытием, наполнен сверхохлажденным гелием для снижения квантовых шумов...

– Антоха! – взмолился Вадим.

– Неважно. Короче, когда генератор запущен, сфера становится абсолютно черной, потому что почти на сто процентов поглощает весь свет! То есть, аналог твоей черной дыры! А эти твои бешено вращающиеся оранжевые лучи тревоги? У нас в аппаратной при выходе на критическую мощность автоматически врубаются именно оранжевые проблесковые маячки! И, наконец, кошка... Ты говорил, что видел там рыжую кошку. Вадик, мы ведь изначально пытались калибровать сферу именно на местной рыжей кошке! Но система ее отторгла, выдала сбой, и мы перешли на собак. Кошка, Вадик! Кошка в твоём сне тоже есть! Понимаешь, это просто невероятно, чтобы тебе случайно приснились такие детали, о которых ты понятия не имел, но которые в точности копируют наш эксперимент! Непонятно только, к чему тут пропажа людей?

– Ну, может быть к тому, что это просто ночной кошмар? – невольно улыбнулся Вадим, узнавая в своем друге того самого безумного профессора.

– Эээ, нет! – уверенно заключил Антон. – Твой сон – это не просто сон! Самое главное – это нулевой объект! Ты никак не мог знать про этот термин, мы придумали его исключительно для нашего эксперимента, а я тебе точно никогда...

Антон продолжал говорить, но в этот момент произошло то, о чем впоследствии Вадим будет вспоминать много раз, тщетно пытаясь понять, что это было.

Сначала острая секундная вспышка головной боли заставила его поморщиться. Вадим невольно зажмурился на долю секунды, а когда открыл глаза, то взгляд его упал на горизонт, где внезапно сверкнула молния. Странная молния посреди безоблачного неба какой-то необычной формы. И Вадим мог бы поклясться, что она сверкнула фиолетовым светом.

– Черт! – невольно ругнулся он, совсем позабыв, что находится на громкой связи с Антоном.

Но тут же вспомнил, потому что в ответ ему из динамиков донеслось странное:

– Вадииииииим... дим... дим....

Голос Антона сильно растянулся и прозвучал на неестественно низкой ноте, оборвавшись каким-то почти потусторонним эхом.

Однако Вадиму некогда было об этом думать. Потому что на встречной полосе многотонная фура не повернула на пологом повороте и теперь неслась прямо на него.

Вадим чертыхнулся, почувствовав бешеный стук сердца и мощный выброс адреналина в кровь. Он сосредоточился на фуре, инстинкты взвились до предела, и...

... Время утратило плотность, превратившись в густой кисель.

Вадим очень хотел бы продолжать верить доктору Липатову. Хотел бы списать все на ту самую «тахипсихию» – вошедшее в режим адреналиновой атаки сознание, которое просто обрабатывает стократ большее количество информации в секунду. Но нет. Не надо себя обманывать.

Этот давящий, вибрирующий низкочастотный гул он узнал бы из тысячи. Звуки не исчезли, они просто растянулись до звенящей инфразвуковой ноты. Цвета поблекли, словно кто-то выкрутил контрастность на минимум, не забыв убавить и яркость. Кошмар из падающего вертолета снова достиг его спустя годы.

Многотонная фура не застыла на месте. Она неумолимо, миллиметр за миллиметром, напознала на него, как надвигающийся железный айсберг. В этом жутком, тягучем мареве Вадим с пугающей четкостью разглядел кабину в каких-то десяти метрах от своего капота.

Он видел, как неестественно медленно колышется пыльная бахрама над лобовым стеклом. Как картонный ароматизатор «елочка» завис в крайней точке своей бесконечно долгой амплитуды. Видел стикер «Михалыч», вымпел какой-то футбольной команды, чехлы-подготовники в виде тигриных морд... И пустое водительское кресло. Неуправляемая машина ползла на встречную полосу, потому что водителя там просто не было.

Вадим очнулся от оцепенения. В этом растянутом времени у него появились длинные секунды на то, на что в нормальном мире не хватило бы и мгновения. Превозмогая чудовищное сопротивление загустевшего воздуха, Вадим вцепился в руль, мышечным усилием выкручивая его вправо, и подготовился к единственно возможному маневру. И как только он направил машину к обочине...

...Мир вздрогнул. Невидимая плотина рухнула, и время обрушилось на Вадима своим привычным, безжалостным потоком.

Но руль был уже вывернут, и его «крузак» успел уйти с траектории несшейся на него громадины, и та лишь задела с противным скрежетом заднее левое крыло.

– Чертов автопилот! Да чтоб тебя! – Вадим даже не понял, что крикнул это во весь голос. Потому что его машину занесло.

Он перехватил занос отлаженным движением: их учили экстремальному вождению еще в армии, и он был одним из лучших. Стоило машине выровняться, ударил по тормозам, визг которых заглушил все звуки. А когда его «крузак», наконец, остановился, почти уткнувшись бампером в боковое ограждение, отделявшее шоссе от высоких скалистых холмов, сзади слы-

шались только отголоски грохота врезавшейся в скалу фуры и еще какие-то одиночные отдаленные удары, сыпавшиеся в хаотичном порядке один за другим.

– Где водила? Бред какой-то... – Вадим шумно выдохнул и посмотрел в зеркало заднего вида: грузовик стоял неподвижно, но кабина вывернулась вправо, так что Вадиму она была не видна за белым фургоном фуры, перекрывшим дорогу. Он подозревал, что если там и был водитель, то он точно не выжил. Но нужно было проверить.

Он отпустил руль, потирая пальцы, сжимавшие до этого его мертвой хваткой. Прямо перед ним был такой же холм, как сзади, очень близко от ограждения, заросший невысоким кустарником. На секунду ему показалось, как там мелькнуло что-то оранжевое, но тут же исчезло.

И тут Вадим вспомнил про Антона.

– Антоха, ты тут? Я тут в аварию попал, но со мной все хорошо, даже машина не сильно пострадала... Антон?

В динамиках автомобиля слышался легкий треск и какой-то странный низкочастотный гул. Эх, похоже накрылись-таки динамики. Или телефон. Где он, кстати? Надо же позвонить в службу спасения.

Антон вышел из машины и полез в карман джинсов, где лежал его смартфон. И тут же замер: вокруг было неестественно тихо. Так тихо, как никогда не бывает на федеральной трассе. Так тихо, как не бывает даже в горах, где всегда в это время года или поют птицы, или стрекочут цикады.

Абсолютная, всепоглощающая, давящая тишина. Как во сне.

Вадим поднял глаза и сглотнул: впереди, насколько позволяла видеть извилистая дорога и надвигающиеся сумерки, все машины замерли. И не просто замерли. Они уткнулись друг в друга или в ограждение, и это только те, кому повезло. Но большинству повезло меньше: он насчитал шесть лобовых столкновений. Как будто его авария повлекла за собой цепь других.

Вадим вспомнил звуки ударов после того, как остановился. Это были другие столкновения.

Но этого просто не могло быть! Что за...

Вадим обернулся. Да, полосу его направления перекрывала фура, но по встрече уже давно бы стали объезжать другие машины. Всегда найдутся те, кому нужно срочно куда-то ехать, несмотря на желание поглазеть на аварию впереди и сплошную разделительную линию. Но никто не ехал. Ни с одной из сторон.

И никто не шел, не кричал и даже не стонал. Тишина по-прежнему была оглушающей.

И тут он услышал откуда-то слева медленно нарастающий шорох шин. Что, кто-то все же объезжает по встрече?

Через пару секунд из-за фуры действительно плавно и медленно, едва не задев задний отбойник грузовика, медленно выкатил какой-то новый китайский электрокар – Вадим перестал следить за их выпуском и плохо в них разбирался. И стал неумолимо приближаться к его Ленд Крузеру, стоявшему на обочине после того самого злополучного поворота. И тоже, как и фура, никуда не повернул, словно целясь прямо в него...

Нет, ну нет же! Что, опять?!

Вадима так возмутил этот факт, что он, чертыхаясь, быстро сел за руль и отъехал вперед метров на двадцать – благо двигатель так и работал. Китаец, не тормозя, накатом въехал в ограждение, где только что стоял Вадим. Удар был слабым из-за скорости, а потому ограждение выдержало.

Вадим выскочил из машины и бросился к электрокару. Но еще не добежав, он увидел, что за рулем никого не было. Неужели тоже автопилот? В последнее время модным было покупать машины с автопилотом, чтобы иметь возможность их подогнать к себе при необходимости. Как

в старых играх: вызываешь по коммуникатору машину, и она приезжает к тебе сама. Очень удобно. Если Вадим когда-нибудь и решился бы сменить своего мастодонта, как называл его Антон, то только на машину с автопилотом.

Однако, если бы это был автопилот, он бы не дал машине врезаться в ограждение. На то он и автопилот. Или дело как раз в том, что все автопилоты вдруг резко вышли из строя по какой-то причине? Электромагнитный импульс? Вадим тут же вспомнил вспышку на небе, похожую на молнию.

Но на крыше китайца не было лидеров. Заглянув в салон, он убедился, что это обычный электрокар, только без водителя. Странно.

Вадим вспомнил, что должен позвонить и после секундного замешательства достал из кармана телефон. Едва не выронив его из рук при разблокировке, он набрал 112 и насчитал шесть длинных гудков, прежде чем сняли трубку. Но когда осознал, что приятный женский голос в динамиках – это всего лишь бот-автоответчик, то понял, что близок к панике. Автоответчик в службе спасения? Такого просто не может быть!

Он сбросил звонок и позвонил в скорую, а потом в полицию – результат был один. Правда ни в скорой, ни в полиции автоответчика не было, там просто так никто и не взял трубку.

Что за чертовщина?

17 января 2023 года

Как Крутов оказался здесь? Что он делает в разведгруппе на передовой?

Вадим перехватил взгляд Сорокина – тот явно знал, за кем именно они отправлялись. Майор сделал круговой жест указательным пальцем, изображая вертушку, который означал начало предполетной проверки и подготовку к взлету, а сам вместе со вторым пилотом бросился помогать грузить раненых и снаряжение.

Крутов повернулся к Вадиму и вручил ему свой рюкзак весом, наверное, килограммов пятнадцать.

– Механик, этот рюкзак твой приоритет! – крикнул Вадиму Крутов. Его голос был таким же мощным, как и он сам: смачный бас легко перекрыл шум от лопастей вертолета. – Что бы ни случилось, его необходимо доставить в штаб целым и невредимым и как можно скорее!

– Но мы летим на базу. Товарищ командир?

Майор только нахмурился, и чуть заметно кивнул:

– Выполнять.

Вадим удивленно посмотрел на командира, уже прикидывая в голове новый маршрут, и направился к вертолету с рюкзаком в правой руке. И вдруг остановился, как вкопанный: рюкзак мгновенно полегчал минимум на треть. Он даже осмотрел его, чтобы убедиться, не выпало ли что случайно. Но тот был плотно закрыт, на снегу ничего не видно, кроме их запорошенных следов, а вес почти сразу вернулся. Сказать, что Вадим был удивлен – это не сказать ничего, но объяснение этому явлению тогда у него не нашлось, и он почти тут же забыл про этот странный инцидент. Но потом, спустя месяцы и даже годы, он вспоминал о нем, как о первом звоночке, который стал предвестником чего-то жуткого и необъяснимого, поставившего под сомнение его собственное душевное здоровье.

Вадим сглотнул и принял решение пойти назад, чтобы заглянуть за фуру. Впереди машины столкнулись довольно далеко от него: туда идти пришлось бы значительно дольше, а он хотел что-то прояснить для себя как можно скорее.

Всего несколько десятков быстрых шагов на грани бега, и Вадим выскочил на встречную полосу. Первое, что он увидел, был хаос из машин, врезавшихся в белый фургон и друг в друга. Их было не так много, но все же они почти полностью перекрывали дорогу. На встречной полосе машины сияли красными огнями задних габаритов в таком же нагромождении, но чуть поодаль, метрах в ста впереди. Кое-где еще не улеглась придорожная пыль от съехавших в кювет автомобилей, которых в пределах видимости было по меньшей мере пять.

Вадим вытер противный липкий пот со лба и взял себя в руки. Он посмотрел вокруг – не требуется ли кому-нибудь помощь. Больше всего пострадали те машины, которым не повезло ехать следом за ним: они врезались в боковину фургона на максимальной скорости, и там, в искореженном металле, было ничего не разобрать, да и вряд ли бы там кто-то выжил. Кабина фуры, принявшая на себя удар от столкновения с холмом, была вывернута теперь боком к нему, выкручена вверх и запрокинута на крутой склон. Рассмотреть там что-либо также было сложно, да и пробраться туда проблематично.

Поэтому Вадим решил отойти чуть дальше, где машины не так сильно пострадали от столкновения. Пробираясь вперед, он начал слышать отдельные негромкие звуки: где-то чуть слышно еще работал электродвигатель, где-то из-за закрытых и не разбитых стекол слышались звуки какой-то радиостанции, где-то дальше монотонный «вжих-вжих-вжих» издавало еще крутившееся колесо перевернувшейся на крышу «хонды», но нигде не было слышно людей.

Потому что их не было.

Ни в одной из машин, ни между ними, не было ни раненых, ни живых, ни мертвых. Как будто все разом исчезли.

В точности как в его сне.

Глава 4. Дорога домой

Вадим уже минут пять сидел на асфальте, пытаясь понять, что тут произошло и что теперь делать. На первый вопрос у него ответа не находилось, разве что лезли в голову мистические версии о Чистилище: как будто он не избежал столкновения и всё-таки погиб. Вадим в такие вещи в принципе не верил, но все вокруг выглядело настолько нереально, что он бы не удивился, окажись это правдой.

Но даже если бы и так, это не отменяло второго вопроса: и что теперь делать? Тупо сидеть на асфальте и ждать неизвестно чего? Как ни крути, у этого вопроса было одно, до ужаса банальное решение: возвращаться домой. Возможно, придется идти, а не ехать, потому что пробраться сквозь образовавшиеся из-за аварий заторы на машине было бы затруднительно, а эвакуаторов и ДПС в ближайшем будущем, очевидно, не предвиделось. Благо до дома оставалось километров пять.

Вадим хлопнул себя по коленям и поднялся. Он решил проехать сколько сможет, а машину запереть и оставить на обочине – заберет завтра, если вдруг все это безумие как-то разрешится само собой. Ну или он проснется, например, и все это окажется одним из его ночных кошмаров.

Правда в то, что это сон, Вадим не верил. Он прекрасно помнил эти свои особые сны, которые мучили его несколько лет после контузии. Они были... другими. Не менее реальными, такими же странными, но другими.

Не было это похоже и на его «провалы», как он их называл. И хотя он уже отдавал себе отчет, что снова сегодня провалился ненадолго в то жуткое состояние остановившегося времени, но явно после этого «вернулся».

Подходя к машине, он вдруг понял, что может сделать кое-что еще, чтобы прояснить ситуацию. Для начала он перезвонил Антону, но тот не взял трубку. Как, впрочем, и сестра, и начальник отдела в «Российских беспилотных системах», где он работал, и даже сантехник

Палыч, делавший затяжной ремонт в его московской квартире. Напоследок он позвонил даже Арине, хотя не был уверен, что за эти несколько лет она не сменила телефонный номер.

Дальше звонить кому бы то ни было не имело смысла. Что ж, можно было уже сделать осторожный вывод, что произошедшее здесь не было локальным событием.

Плохо. Даже можно сказать – хреново. Но что-то подсказывало Вадиму, что самое хреновое еще впереди.

Он уже почти дошел до своей машины, когда увидел за ограждением рыжую кошку. Она замерла, опасливо глядя на него своими яркими зелеными глазами. Та самая кошка с белой лапкой из его сна.

Вадим на мгновение зажмурился в надежде, что ему показалось. Однако, когда он открыл глаза, кошка никуда не исчезла, но немного сместилась в сторону и напряжилась, готовая в любой момент сорваться с места.

– Эй! – позвал он и осторожно начал приближаться, протягивая руку. – Кис-кис-кис!

Но то ли кошка увидела его пустые руки, то ли взерошенный незнакомец в пыльных джинсах не внушил ей доверия, но ждать она не стала и тут же юркнула в кусты.

– Эй! Ну куда же ты! – крикнул немного расстроившийся Вадим, уже выпрямляясь. И почему-то добавил: – Что ты делала в моем сне?

И сам поразился тому, что спросил. То, что он видел какую-то кошку во сне, еще не повод пытаться разговаривать с кошками наяву. Просто совпадение, не более того. Мало ли на свете рыжих кошек? Зато этот эпизод чуть приподнял ему настроение.

И тут он понял, что еще его настораживало в окружающем безумии. Вокруг не было никаких животных или птиц. Да, вдали от населенных пунктов редко встретишь собак или кошек на дорогах, но чайки! Они тут летали всегда, сколько он себя помнил, от шоссе до берега моря здесь не более трех километров, и горы только по ту сторону от трассы. Да и вездесущие вороны постоянно мелькали в небе черными пятнами. Но только не сейчас.

Пожав плечами – без ворон и чаек он как-нибудь обойдется, – он сел в машину и включил радио. На многих каналах играла обычная для них музыка, как будто ничего не произошло. Но Вадим понимал, что это еще ни о чем не говорило: он прекрасно знал о заранее подготовленных музыкальных плейлистах радиостанций. А вот новостные каналы и разговорные шоу транслировали в эфир лишь тишину. В общем, что и требовалось доказать.

И в довершение он решил поискать в телефоне новости. Если задуматься, подобного рода событие было бы на главных страницах всех новостных сайтов. Но такой новости не было даже в лентах.

Правда, можно было списать на то, что журналисты еще не успели подсуетиться, все-таки прошло не так много времени. Если бы не одно обстоятельство: за последнее время нигде не было никаких новостей. Его лента в соцсетях, где обычно чуть ли не каждые несколько минут сыпались новые посты, комментарии, репосты, также застыла примерно двадцать минут назад. И как бы ни хотелось Вадиму верить в то, что скоро все само собой разрешится, он вынужден был признать, что оказался в гораздо более глубокой заднице, чем мог себе представить.

Вечер опускался на побережье неумолимо и быстро. Вдоль дороги дежурно зажглись фонари, повинувшись равнодушным датчикам света, и осветили застывший безмолвный хаос белым, почти погребальным светом диодных ламп. В этом свете дорога с брошенными автомобилями казалась какой-то мрачной, зловещей, постапокалиптической. Впрочем, такой она не просто казалась, она такой была.

Да, это было чем-то похоже на дешевый киношный пост-апокалипсис, только пока еще все было свеженьким, новеньким и не пришло в запустение. Вадим хмыкнул. Ну, хорошо хотя бы, что точно не будет зомби.

Оставшиеся пять с половиной километров он одолел минут за сорок. Ему удалось проехать все это расстояние на машине, кое-где объезжая заторы по обочине, где-то – вообще по бездорожью вдоль трассы с помощью полного привода, где-то – лавируя между уткнувшимися друг в друга машинами прямо по шоссе, благо оно расширялось через пару километров до четырех полос. Ну а в городке – по абсолютно пустым тротуарам. Он мог бы доехать гораздо быстрее, но то и дело притормаживал, чтобы рассмотреть застывшие безлюдные сцены, похожие на инсталляции современного искусства, опустевшие магазины с наполненными продуктами тележками, а один раз остановился, чтобы потушить загоревшуюся малолитражку пригнанным в кой-то веке огнетушителем, лежавшим у него в багажнике.

Везде картина была примерно одинаковой: брошенные машины, торговые ларьки, магазины, дома, вещи... и ни одной живой души. Вадим убедился, что животные и птицы тоже пропали, так как всю дорогу пытался разглядеть их на земле и в воздухе. Тем более странным выглядело то, что он видел кошку. Вадим уже начинал задумываться, а не находится ли он если не в Чистилище, то в коме, например? Уж слишком невероятным казалось все вокруг.

Но вместе с тем – слишком реальным.

Вадим уже подъезжал к дому, когда случайно заглянул в открытые двери местной небольшой парикмахерской, величавшей себя, конечно же, салоном красоты. И безотчетно нажал на тормоз.

Зал парикмахерской был ярко освещен, и на противоположной стене висел огромный телевизор, транслировавший один из центральных телеканалов. Вадим сразу узнал знакомую студию новостей: он часто смотрел здесь новости и знал ее фирменные цвета. Студия была ожидаемо пуста, только на переднем плане красовалась трехмерная модель какого-то памятника, а огромный фоновый экран демонстрировал узнаваемые достопримечательности Санкт-Петербурга.

Ну конечно! Как он сразу об этом не подумал! У него есть шанс собственными глазами увидеть, что произошло! Во сколько там все случилось? Он посмотрел в телефоне, когда звонил Антон, и прибавил к этому времени продолжительность разговора. Значит, примерно в половину восьмого вечера.

Он быстро открыл сайт этого телеканала, где на главной странице была онлайн-трансляция, картинка которой полностью совпадала с тем, что он видел в парикмахерской. Очевидно, что все каналы, где шли новости, прекратили таким образом свой эфир, потому как некому было включить следующую за новостями передачу. Но даже не это ему было интересно. Вадим с замиранием сердца отмотал ползунок прокрутки видео назад, примерно на половину восьмого, когда в эфире были ежедневные вечерние новости, проходившие всегда в прямом эфире. На экране застыл с открытым ртом постоянный ведущий телеканала на фоне интерактивной карты лесных пожаров где-то на юге Урала. Жест руками, должно быть, должен был показать масштабы природной катастрофы.

Палец Вадима на секунду завис над кнопкой воспроизведения. Он вдруг ощутил, как по спине пробежал холодок, а желудок скрутило в неожиданном волнении. И нажал кнопку.

Примерно с минуту он слушал ничего уже не значащую информацию про распространение огня, пока, наконец, ведущий не перешел к следующей новости. Фон за ним сменился, а рядом выросла та самая трехмерная модель.

Что была за новость, связанная с памятником, Вадим так и не узнал. Ровно в 19 часов 32 минуты и 18 секунд, без каких-либо переходов, ведущий исчез из студии. Вот он был, и вот его уже нет. И мир застыл, в миг отброшенный на миллионы лет назад, когда по земле еще не ступало ни одно живое существо.

Кроме него.

Глава 5. Последний рейс

Вадим сидел на лестнице, ведущей к пляжу, ел остывший чебурек и отрешенно смотрел на заходящее солнце, чуть подернутое дымом от бушующего где-то в соседнем поселке пожара. В нескольких кафе негромко играла поставленная на повтор музыка, и можно было бы наслаждаться прекрасным теплым вечером в отсутствии толп туристов, если бы не осознание чудовищной реальности.

Зрелище пропавшего ведущего отняло у Вадима солидную долю оптимизма. Он в определенный период своей жизни полюбил одиночество, но сейчас оно было совсем другим. Давящим, безысходным, бесконечным. Оно было почти что осязаемым и мешало дышать. Из него нельзя было выбраться, если не понять, что произошло, и не исправить ситуацию. Вадим пока совершенно не представлял, как.

Но сдаваться просто так он не собирался. Вся его жизнь была чередой преодолений, где одни трудности сменялись другими, ставя перед ним все более невыполнимые задачи. И он не сдавался. Как та лягушка, которая взбила из сливок масло и выбралась из кувшина.

Этому его научил отец, пока еще был жив, сам того, наверное, не осознавая. Будучи в младших классах, Вадим часто обращался к нему за помощью в решении задач по математике, которая давалась ему с трудом. Пока однажды отец не сказал:

– Вот что, сын. С этого момента я не стану тебе помогать. Ты способен решить сам эту и все другие задачи. Ты уже взрослый и умный мальчик. Но ты должен научиться все делать самостоятельно. Не получается – пытайся еще и еще. Пока не получится, до посинения. А получится обязательно, рано или поздно, вот увидишь. Клянусь тебе! Просто никогда не сдавайся. Понял?

– Понял, – ответил тогда десятилетний Вадик, хотя на самом деле по-настоящему не понял ничего. Он просто хотел казаться и быть взрослым.

Но он понял чуть позже, когда после истерики, устроенной отцу, тот так и не помог ему с заданием. Их учительница по математике – грозная Инна Львовна – обещала поставить ему двойку в четверти. Поэтому Вадик пришлось сидеть над задачей несколько часов, до того самого посинения. Он делал это из упрямства и от обиды, словно пытаясь доказать отцу, что никакое посинение тут не поможет, когда вдруг, на сотый, наверное, раз понял, как решить эту треклятую задачу!

И таких случаев потом было много, прежде чем уже немного повзрослевший Вадик, отец которого недавно погиб в автомобильной аварии, действительно понял, что тот имел в виду. Потому что этот принцип – делать до посинения, пока не получится, – почти всегда срабатывал, причем не только в математике, но и по жизни. Какой бы безвыходной не была ситуация, решение находилось всегда, главное было не переставать его искать и не отчаиваться.

И сейчас, глядя на закат, Вадим знал, что ему нужна была эта передышка, это простое ничегонеделание, чтобы набраться сил и начать искать выход. Ведь ему некуда было торопиться. Во всяком случае, пока.

17 января 2024 года

Вадим сидел на кушетке в кабинете доктора Липатова, сжимая в руках пластиковый стаканчик с водой. Стаканчик хрустел под натиском сильных пальцев, а вода в нем мелко дрожала, выдавая легкий тремор, который он никак не мог унять после бегства из автобуса.

– Немного отдышались? – доктор сейчас говорил спокойно и почти ласково, пытаясь взглянуть в опущенные глаза пациента. – Давайте теперь по порядку.

– Только что, в автобусе... время снова встало, – глухо произнес Вадим, упрямо глядя в пол. – Как тогда, в вертолете. И я снова видел эти тени. Они проходили сквозь меня! Понимаете? Я не спал, не был в отключке, я их видел!

Доктор Липатов, немолодой грузный мужчина с въедливым взглядом, тяжело вздохнул. Он отложил ручку, снял очки и потер переносицу.

– Вадим Николаевич, взгляните на календарь, – Липатов кивнул на стену. – Какое сегодня число? Семнадцатое января. Ровно год назад ваш вертолет рухнул, а боевой товарищ погиб. Чего вы ожидали от своей нервной системы в этот день? Торты с одной свечкой? Ваша психика выдала классический, хрестоматийный триггерный ответ.

– Вы не понимаете. И тогда, и сейчас – это не могло быть просто паникой. Тогда я видел вертолет насквозь! Я знал, где пробита магистраль! Человек не может видеть сквозь стальную обшивку! – Вадим вскинул голову, в его глазах плескалось отчаяние. – И тени... это не глюки. Они реальны.

– Давайте обойдемся без мистики, – голос Липатова стал жестче, приобретая металлические, командирские нотки, которые всегда безотказно действовали на военных. – Вы знаете, что такое тахипсихия?

Вадим отрицательно мотнул головой.

– Это состояние, при котором в моменты смертельной угрозы мозг ускоряет обработку информации в сотни раз. Эволюционный механизм. Выброс адреналина такой силы, что ваш внутренний процессор разгоняется до предела, и субъективно вам кажется, что время вокруг замерло. Ваш мозг в ту секунду просчитал траекторию падения, учел звук пробитой гидравлики и выдал единственно верное решение. Вы же механик, вы эту вертушку до винтика знаете. Ваше подсознание просто достроило картинку «насквозь». Это не магия, Белов. Это нейробиология и инстинкт самосохранения.

Липатов встал, подошел к кулеру и тоже налил себе воды.

– А тени? – упрямо, но уже не так уверенно спросил Вадим.

– А тени – это ваша затылочная доля и чувство вины, – Липатов повернулся к нему. – Осколок прилетел вам в шлем, и ударная волна проишлась по зрительной коре. Плюс тяжелейший ПТСР¹. Ваш напарник умер, пока вы были в отключке. Вы подсознательно не можете смириться с тем, что кабина опустела. Ваш поврежденный мозг населяет пустоту призраками, фантомами, чтобы вам не было так одиноко нести эту вину. Вот и все.

В кабинете повисла тишина. Тикали часы на стене. Вадим слушал их ровный ритм и чувствовал, как внутри что-то надламывается. Ему безумно хотелось поверить Липатову. Потому что альтернатива – признать, что он сходит с ума или что он провалился в какой-то другой мир – была слишком страшной.

– И что мне делать? – наконец тихо спросил он.

– Лечиться, – отрезал Липатов, возвращаясь к столу и вытягивая новый рецептурный бланк. – Мы поменяем схему. Я выпишу вам сильные нейролептики. Они «приглушат» активность коры головного мозга и снимут эти визуальные артефакты. Вы будете спать без кошмаров. Найдете спокойную работу. С дронами, компьютерами – с чем угодно, где нет риска для жизни. Мозг привыкнет работать в безопасном режиме, и этот фоновый шум исчезнет. Я обещаю.

Вадим посмотрел на рецепт, который Липатов протягивал ему через стол. Это был билет в нормальную, скучную, предсказуемую жизнь. Жизнь, где время течет с привычной скоростью, а тени остаются только от фонарей и солнца.

Он взял листок.

– Хорошо. Давайте попробуем.

¹ ПТСР - посттравматическое стрессовое расстройство

Вадим просто смотрел на горизонт, вглядываясь изредка в горящие вдаль справа огни соседнего поселка, когда вдруг услышал, а, скорее, почувствовал мощное движение воздуха, с каким-то присвистом и очень легким дребезжанием, такое чудовищно сильное, что тут же вскочил на ноги и обернулся.

Над ним, в каких-то пятидесяти метрах, словно кит в толще океана, почти беззвучно скользила громадина пассажирского самолета. Только свист рассекаемого ветра выдавал десятки тонн металла, падающих с небес. Без криков, без гула – как будто мир уже мертв, и готов похоронить вместе с собой все оставшиеся звуки.

Бывший десантник, отслуживший год на передовой и налетавший сотни часов на вертолетах, застыл изваянием в немом ужасе и странном благоговении перед этим эпическим зрелищем.

Огромный самолет, как показалось Вадиму, планировал очень медленно, неохотно направляясь прямо в море, но прошло не больше десяти секунд, как он почти изящно, по касательной, рухнул в воду в километре от берега, как раз на фоне только что исчезнувшего за горизонтом солнца. Несмотря на мощный удар, крылья остались целы, и несколько десятков секунд он качался на образованных собственным падением мощных волнах, словно не решаясь тонуть. Потом нос задрался вверх, и фюзеляж скользнул в глубину беззвучно, будто его затянуло в пучину морское чудовище.

Вадим несколько секунд смотрел на море, замерев от изумления. Из оцепенения его вывело какое-то движение слева. Что-то похожее на мелкие обломки или ручную кладь внезапно всплыло совершенно в другом месте, значительно левее и ближе к берегу. Эти предметы, казалось, не могли там оказаться за столь короткое время при отсутствии видимого разрушения лайнера, но теперь они медленно приближались к нему вместе с прибойной волной, словно притягиваемые магнитом. Вадим не стал искать этому объяснений: слишком много непонятого и странного произошло вокруг него после аварии, поэтому он просто направился навстречу обломкам к кромке воды.

Вскоре он разглядел несколько разломанных пластиковых чемоданов, пару желтых спасательных жилетов и раскрытый детский рюкзак яркого салатного цвета.

Когда рюкзак прибило к берегу, прибойная волна вымыла на берег из него пластиковую коробку с цветными карандашами и размокший альбом для рисования.

Вадим подошел вплотную и тяжело опустился на корточки рядом с этой нехитрой детской поклажей. В этом маленьком, пропитанном холодной соленой водой рюкзаке трагедия исчезнувшего мира ощущалась особенно остро. Здесь не было тел, не было следов паники или крови, только оглушающая пустота и внезапно оборванная обычная человеческая жизнь.

Он осторожно поднял мокрый альбом и открыл его на последней заполненной странице, где небрежный рисунок изображал мужчину с широкой улыбкой рядом с высоким деревом и самолет в небе, в огромных иллюминаторах которого угадывались детское и женское лицо. А сверху корявым детским почерком было написано восклицание: «Мы летим к папе!».

Вадим сглотнул подступивший к горлу ком и запрокинул голову в небо, прогоняя нахлынувшую горечь и щемящую грусть. Этот ребенок, судя по машинке на рюкзаке – мальчик, исчез из самолета, так и не долетев к папе, встречи с которым очень ждал.

Он и сам двадцать лет назад так и не успел к своему отцу, попавшему в больницу после аварии. Они с Антоном тогда весь день лазили по заброшенному дому, представляя себя сталкерами в постапокалиптическом мире. Именно тогда у них зашел разговор о параллельных мирах, и когда мама звонила ему раз десять подряд, Вадим просто не брал трубку и игнорировал ее сообщения: настолько сильно они были увлечены рассуждениями об эффекте бабочки. А когда ближе к ночи он ей перезвонил, отец уже умер...

Его накрыло отчетливое, сдавливающее грудь понимание того, что прежней реальности больше не существует. Вадим сделал глубокий вдох и мысленно произнес: «Я все помню, папа. Я не сдамся». Аккуратно положив испорченный альбом обратно на мокрые камни, он поднялся на ноги и молча зашагал прочь от берега, оставляя позади тихо шумящее море, которое в сгустившихся сумерках полностью оправдывало свое название – Черное.

Глава 6. Гостья

Вадим подъезжал к воротам своего дома, когда еще издалека заметил на них какое-то светлое пятно на фоне уже темного неба. Фонарь у ворот уже пару недель не горел, а он так и не успел пожаловаться коммунальщикам. Теперь уже некому жаловаться... Но так или иначе, на толстом деревянном бруске ворот определенно что-то было, и лишь когда он подъехал ближе и свет фар упал под нужным углом, в темноте сверкнули два крошечных огонька – это была та самая рыжая кошка!

Она сидела на двухметровой высоте совершенно неподвижно, словно поджидая его. Невероятно! Она что, нашла его по следу? Тогда как она оказалась у дома, куда он еще не заходил сегодня с утра?

Вадим остановился и вышел из машины, ожидая, что кошка снова сорвется с места, но даже когда он подошел вплотную, она осталась сидеть пушистым рыжим изваянием, лишь поворачивая голову вслед за его движениями.

– Привет, – сказал он, глядя в горящие кошачьи глаза. – Как ты меня нашла?

Конечно, кошка ничего не ответила. Она только чуть склонила голову, как будто прислушиваясь к его словам.

– Ну, и что мы с тобой будем делать? Мы тут одни остались, ты в курсе? Ладно, можешь не отвечать. Пойдешь со мной?

Кошка приоткрыла рот в почти беззвучном «мяв» и медленно, цепляясь когтями за дерево, спустилась со столба, после чего спокойно пролезла под воротами.

Вадим пожал плечами и пошел к машине. Когда он открывал ворота и загонял свой Лэнд круизер на парковку, он видел, что кошка сидит на веранде и ждет его у порога. Стоило Вадиму открыть дверь, как она юркнула внутрь. Он думал, что теперь уж точно придется искать ее по всему дому, но нет: она сидела у входа на кухню и все так же выжидательно смотрела на него.

– Ты, наверное, голодная! – догадался Вадим. – Хочешь колбасу? Или молока?

В результате он достал из холодильника и то, и другое, и с удовольствием отметил, что кошка набросилась на еду.

Сам он тоже ужасно проголодался: несчастный остывший чебурек бесследно сторел в топке истерзанного стрессом организма. Но несмотря на весь ужас вокруг, жизнь брала свое. Он разогрел в духовке замороженную пиццу и, устроившись на кухне, стал бездумно щелкать каналы телевизора, пока поевшая уже кошка умильно умывалась. Ничего нового он не узнал. На паре телеканалов, тем не менее, уже была настроечная таблица – видимо, у них она включается автоматически, если не поступает в эфир очередная передача. Он также проверил радио – на основных четырех радиостанциях, которые являлись информационными, в эфире была тишина. И для проформы еще раз набрал службу спасения и полицию.

Потом в голову Вадиму пришла другая идея. В интернете он нашел сайты нескольких мировых информационных агентств, просмотр которых подтвердил худшее: люди во всем мире исчезли одновременно.

Неужели он остался совсем один на всей планете? Куда исчезли люди? Точнее – все живые существа? Что с ними стало? Они ведь не могли просто взять и вот так вот мгновенно погибнуть, бесследно испарившись? И почему он остался? Он и кошка?

Или это они с кошкой куда-то попали, а весь мир спокойно живет своей жизнью, даже не заметив малюсенькой пропажи? Тогда где он находится теперь? Ведь все выглядит в точности, как и до этого исчезновения...

В голове были только вопросы и не было на них ответов. Вадим вздохнул.

17 января 2023 года

Все заняли свои места в салоне, и Вадим начал краткую предполетную проверку. Важно было уточнить данные РЭР². Он уже проложил маршрут до штаба, который лежал прямо через квадрат, где работало ПВО и роились вражеские FPV-дроны. Их вертолет наверняка засекут тепловизором, несмотря на непогоду. Но данные по-прежнему гласили, что в штаб напрямую лететь нельзя.

– Товарищ командир! – доложил Вадим по открытому каналу специально для Крутова. – В штаб пролет через квадрат 48-72, там работает ПВО противника с поддержкой дронами! Облет возможен только по нашему коридору через базу, а это плюс сто километров, не хватит топлива. Нужна дозаправка на базе.

– Майор, – Крутов обратился напрямую к Сорокину, перекрывая гул винтов. – У этой железяки в рюкзаке батарея сдохнет через полчаса! Если полетим в обход, данные сотрутся. Стратегические данные, майор! Вы же знаете, кто я, так? Думаете, я на передовую с этим рюкзачком на прогулку вышел? К тому же у меня тяжелый «трехсотый», лишний час лету он просто не переживет. Нам нужно прямое подключение и госпиталь в штабе!

– Белов, сколько времени нужно на облет и дозаправку?

Вадиму потребовалось не больше секунды, чтобы посчитать:

– Примерно час десять – час двадцать. Можем попытаться уложиться в час, если на базе не будем разгружаться.

– Батарея столько не протянет. И мой боец тоже, – глухо, но непрекаемо произнес Крутов. – Отставить базу. Пойдем напрямую на полста метрах. Майор, это приказ.

Вадим посмотрел на командира. Слова подполковника расставили все по местам. Эта черная железка, как выразился подполковник, судя по всему, стоила целого вертолета вместе с экипажем, и Крутов только что положил их на кон. Лицо Сорокина окаменело, а взгляд стал тяжелым. Невозмутимый Леша Гуров лишь коротко кивнул. Все трое прекрасно понимали: лететь в такую метель на сверхмалой высоте прямо через зону ПВО – это почти самоубийство. Но выбора не оставалось: на кону стоял успех какой-то важной миссии и жизнь одного из своих.

Вадим переключился на закрытый внутренний канал экипажа:

– Командир, шансов немного. Дроны с тепловизорами нас обнаружат...

– Знаю, механик, – спокойно ответил Сорокин. – Но приказ есть приказ. Сделаем невозможное.

Майор щелкнул тумблером, возвращаясь на общую связь с десантным отсеком:

– Товарищ подполковник, я обязан доложить на базу по зашифрованному каналу об изменении маршрута. Вы подтверждаете приказ?

– Подтверждаю, – голос Крутова прозвучал тяжело. – Всю ответственность беру на себя. Курс на штаб, высота 50 метров. Вытащите нас, майор.

Сорокин коротко выдохнул, бросил уставное «Есть!» и дал экипажу команду на взлет.

² РЭР – Радиоэлектронная разведка

– Ну что, киса, – сказал он кошке, выключая телевизор и откладывая телефон. – Пошли спать? У людей есть такая поговорка: «Утро вечера мудренее».

Кошка довольно что-то проурчала, все еще облизываясь.

– Спать будешь тут, – Вадим показал на диван, стоявший по другой стороне большого стола. Подошел к нему, постелил простой флисовый плед и похлопал по сиденью. – Вот тут тебе будет удобно.

Кошка не шелохнулась, но внимательно на него смотрела, перестав, наконец, умываться. Вадим уже не чувствовал себя сумасшедшим, разговаривая с ней. Он был в глубине души рад, что остался кто-то еще живой, кроме него. Тот, с кем можно хоть так поговорить. Он немного подумал и подошел к двери веранды, приоткрыв ее и поставив на стопор, служивший для проветривания.

– На всякий случай оставлю тебе дверь на веранду открытой. Постарайся все свои дела делать там, договорились? Ну и... никуда не убегай. Нам лучше держаться вместе.

Кошка, все еще сидевшая на прежнем месте, никак не отреагировала на его слова. Вадим снова вздохнул, и пошел наверх, в спальню, прикрыв за собой дверь.

Он вышел на балкон и взглянул на темнеющий горизонт, еще сиявший отблесками заката. Море было спокойным, таким знакомым, и, в отличие от его сна, издавало вполне привычные шорохи, накатывая на галечный пляж. Ветра не было, поэтому деревья внизу почти не шумели, но все же можно было хотя бы почувствовать одуряющий аромат хвои, перемешанный с запахом морской воды.

Все было, как всегда, и можно было даже не закрывать глаза, чтобы внушить себе, что на самом деле ничего не произошло, и в километре от него бурлит вечерняя набережная с выбравшимися из воды отдыхающими, уставшими от дневного зноя, которые теперь оккупировали уютные прибрежные кафе и опустошают там свои банковские счета в невинных порывах чревоугодия, азарта и жажды развлечений.

Вот только не пели цикады. И с набережной не доносилось ни звука. А еще не было комаров... Кто бы мог подумать, что он будет сокрушаться об их отсутствии?

Вадим вернулся в комнату. Он намеренно долго стоял под душем, пытаясь смыть с себя безумие прошедшего дня и прочистить мозги. А потом забрался в постель, попросил Арину включить режим «Ночь», погасивший весь свет в доме, кроме ночников на лестнице и в коридоре, в последний раз проверил информационные сайты в интернете и почти тут же уснул, успев пожелать себе «некошмарной ночи».

Глава 7. Первое утро

23 июня 2035 года, суббота

Вадим проснулся от яркого света, бившего прямо в лицо. Он моментально открыл глаза и понял, что на улице еще темно, а яркий свет – полностью включенное освещение в спальне. Потолочные споты, два торшера, бра – все они светились на максимальной яркости.

Вадим зажмурился и вымученно скомандовал: «Арина, выключи свет!» Ничего не произошло. Видимо, случился перебой с электричеством, и система умного дома просто не успела перезагрузиться, оставив все лампы включенными по умолчанию.

Он посмотрел на настенные часы. Четыре тридцать утра, скоро рассвет. Вадим вручную выключил бра, дотянулся до обоих торшеров, но, чтобы выключить потолочные споты, пришлось вставать.

На удивление, он почувствовал себя достаточно отдохнувшим, чтобы больше не ложиться спать. Погасив свет, вручную отдернул шторы и по привычке вышел на балкон, потирая глаза. И замер, пораженный увиденным.

На все еще темном горизонте сияло фиолетовое пламя. Оно не могло быть связано с рассветом – солнце вставало на противоположной стороне. Оно не было похоже и на Северное сияние, и не потому, что они на юге. Просто... Оно было другим, чуждым. Этот глубокий, мрачный, депрессивный свет лип к воде, как нефть, но при этом будто дышал, то разгораясь, то затухая. Море не отражало его, а словно поглощало, впитывало его краски, становясь черно-лиловым, как вино в стакане.

Это зрелище, завораживающее и ужасающее одновременно, приковало Вадима к месту. Не в силах пошевелиться, он, казалось, проваливался в это свечение, словно загнипнотизированный.

17 января 2023 года

Ми-8 стелился над самой землей, едва не цепляя колесами верхушки заснеженных посадок. Внутри кабины стоял оглушительный рев двигателей, но Вадиму казалось, что он слышит сквозь него еще один звук.

Низкочастотный, зудящий гул.

Он посмотрел на свою приборную панель. Стрелки дергались, экраны рябили цифровым мусором. Они вошли в зону действия вражеской РЭБ, это было ожидаемо. Неожиданным оказалось другое: эпицентр помех находился не снаружи. Вадим перевел взгляд вниз. Тяжелый рюкзак Крутова, зажатый между креплениями у его ног, мелко вибрировал. От него несло озоном, как от искрящей проводки, а волосы на предплечьях Вадима встали дыбом от статического электричества.

– Облучение! Захват цели! – сорвался голос Гурова по внутренней связи. – Пуск, командир! Две единицы с «шести часов»!

– Держись! – рявкнул Сорокин.

Машина резко завалилась на правый борт, уходя в дикий маневр. Вадим вжался в кресло. Снаружи с шипением отстрелились каскеты тепловых ловушек. Одна ракета ушла в «молоко», ослепленная вспышками, но вторая...

Оглушительный хлопок ударил по ушам так, что лопнули капилляры. Взрыв произошел где-то у хвостовой балки. Обшивку кабины мгновенно прошила шрапнель, и Вадим увидел, как брызнули осколками стекла блистеров³. Леша Гуров дернулся, словно от удара под дых, и из его груди вырвался влажный, страшный хрип.

Одновременно тупой, чудовищной силы удар обрушился на шлем Вадима. Осколок снаряда чиркнул по касательной. Шлем выдержал, но колоссальная энергия удара вмяла подвесную систему, глубоко рассекая кожу и отправляя мозг бортмеханика в тяжелую контузию.

Мир погас. Вадима швырнуло вперед, он тяжело сполз со своего откидного сиденья и рухнул прямо на сорвавшийся с креплений и уткнувшийся в кресло второго пилота рюкзак Крутова. Молния рюкзака зацепилась за крепление и разошлась. А голова Вадима в пробитом шлеме оказалась прижата к гладкому, матово-черному корпусу какого-то прибора, скрытого внутри. Прибор пульсировал.

И тогда реальность сломалась.

Вдруг громкое, грозное шипение вывело его из транса. Он посмотрел вниз: кошка, для которой он оставил приоткрытой дверь веранды, стояла под окнами у мангальной площадки и шипела, гля

³ Блистер – выпуклый обтекаемый иллюминатор или прозрачный выступ на фюзеляже воздушного судна. Слово происходит от английского blister – «волдырь, пузырь»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.